

А. Е.
ЗАРИН

Сочинения

Андрей Ефимович Зарин

Четвертый. История одного сыска

Действие рассказа происходит в начале века. Перед читателем проходит череда подозреваемых, многие из которых были врагами убитого. События в рассказе развиваются так, что одно преступление, как по цепочке, тянет за собой другое. Но нетерпеливого читателя в конце рассказа ждет необычная развязка. Главное действующее лицо рассказа — это талантливый и бесхитростный сыщик Патмосов Алексей Романович, который мастерски расследует невероятно запутанные дела. Прототипом этому персонажу, видимо, послужил светило петербургского сыска — знаменитый Путилин.

Содержание

I	.0005
II	.0009
III	.0011
IV	.0013
V	.0016
VI	.0019
VII	.0020
VIII	.0025
IX	.0031
X	.0034
XI	.0038
XII	.0042
XIII	.0051
XIV	.0052
XV	.0055
XVI	.0060
XVII	.0061
XVIII	.0064
XIX	.0068
XX	.0070
XXI	.0076
XXII	.0081
XXIII	.0083
XXIV	.0085

**Андрей Ефимович Зарин
Четвертый. История одного
сыска**

На веранде роскошной дачи в Петергофе за внутренним кофе сидел старый, заслуженный отставной генерал князь Чеканный, а напротив — его молодая жена, Вера Андреевна.

Вдруг князь сказал, роняя газету:

— Дергачева убили, процентщика. Помнишь его, Вера? А?

Ложка со звоном упала в чашку. Лицо Веры Андреевны покрылось бледностью, и она откинулась к спинке стула.

— Что с тобой? — тревожно воскликнул генерал. Она слабо улыбнулась и выпрямилась.

— Ничего, Валерьян, не беспокойся! Просто я услышала слово "убили"...

Генерал покачал головою.

— Опять эти нервы! Поезжай-ка ты за границу или в наше Широкое. Ты, моя рыбка, совсем о здоровье не заботишься...

В голосе генерала слышалась вся нежность его чувства к молодой жене.

Она приветливо кивнула ему.

— Поедешь ты, и я с тобою! Ну, кого убили?

Генерал, уже успокоившись, отхлебнул ко-

фе, затянулся сигарою и, взяв газету, стал читать вслух.

— Дергачева... Помнишь, я у него выручал векселя Павлуши? Такого армянского типа, крашенный!

Вера Андреевна кивнула.

— Ну вот его! Подле Павловска. Что-то таинственное. Нашли труп. Голова разбита топором. "Хотя при убитом оказались и часы, и перстень, и кошелек, и бумажник, — убийство все же совершено, видимо, с целью ограбления, так как боковой карман пальто вывернут и даже испачкан кровью. Преступник, очевидно, вытащил из него крупную сумму, после которой не стоило уже брать кошелек с несколькими рублями". А? Вот тебе и копил денежки! Тебе дурно, Верунчик, а?

— Я прилягу, — тихо сказала Вера Андреевна, — этот случай правда ужасен. Особенно когда знали человека.

Генерал отечески-нежно поцеловал жену в лоб и оставил ее у дверей будуара.

Вера Андреевна вошла в будуар и нажала кнопку звонка. Когда вошла горничная, она сказала:

— Паша, там, на веранде, осталась газета. Принесите ее мне!

Паша вернулась с газетой.

— Оставьте на столе. Если кто придет, извинитесь. У меня мигрень.

— Слушаю! — отвечала Паша и вышла.

Вера Андреевна нашла сообщение об убийстве и стала жадно выхватывать строки глазами.

"Вчера, рано утром, сторож Павловского парка, идя к своему посту, увидел у канавы, что отделяет Царскосельский парк от Павловского, труп. По прибытии судебных и полицейских властей открыто несомненное преступление..."

А потом: "...в трупе признали неизвестного Петербургу дисконтера, Антона Семеновича Дергачева, проживавшего в Павловске на даче. По показанию прислуги он, как всегда, вышел из дому около 10 часов на музыку и не вернулся. Следствие ведется энергично..." И все.

В дверь осторожно постучались.

Вера Андреевна вздрогнула.

— Кто? Что надо?

— К вашему сиятельству посыльный. Пакет принес!

— Положите! Дайте посыльному мелочи! И больше не тревожьте меня.

Вера Андреевна заперла дверь, взяла пакет, быстро вскрыла его и облегченно вздохнула.

Потом на миг глаза ее затуманились, но, отгоняя страшную мысль, она прошептала уверенно: "Не может быть!" — и опять нажала кнопку.

Паша вошла снова.

— Затопите камин, Паша!

Катя с булками и «Петербургской газетой» в руках, как сумасшедшая, вбежала в комнату, крича:

— Барыня, барыня! Нашего Дергача убили! Вчера убили! Топором!

Молодая красивая женщина выскочила из темной спальни в одной сорочке, босиком.

— Что ты говоришь? Ты врешь? Он третьего дня был у меня!

— Ну, вот! А от нас домой, а ночью его и хлопнули! Вот, читайте! Я нарочно газету купила! Мне в лавке Авдей сказал! Вот! — и Катя сунула в руки своей барыне газету.

Барыня опустилась в кресло и развернула газету.

— Тут вот, сейчас, как отвернете!

Барыня прочла напечатанный крупными буквами заголовок: "Убийство ростовщика".

— Читайте вслух! — попросила Катя.

Барыня стала коленками на кресло, совсем склонилась к газете и стала, медленно разбирая слова, читать описание убийства Дергачева:

— "Следствие ведется с энергией. На место преступления прибыл агент сыскной полиции. Пока еще ничего не открыто, но надо ожидать, что энергия следователя и ловкость агента скоро откроют преступника".

Барыня хлопнула рукой по газете.

— Это Степкино дело, — воскликнула она, — вот чье!

— Что вы, барыня!

— А я знаю, и ты не спорь! Дай скорее кофе, и я поеду!

— Куда?

— На него показать. Вот что!

Лицо барыни горело негодованием и обидой. Она стояла перед Катей в одной рубашке, с распущенными волосами и, махая перед ее лицом рукою, кричала:

— Что ты знаешь? Коли он сам мне грозил убить его! А теперь со мною рассорился, запил... и очень просто! Давай кофе! — окончила она и скрылась в спальне.

Николай Николаевич Савельев, двадцати трех лет, с красивым испитым лицом, проснулся в двенадцать часов дня с тяжелой головой от беспутно проведенной ночи.

Он позвонил и вошедшему человеку приказал подать себе кофе и газету.

Николай Николаевич, или Николушка, как звала его до сих пор мать, был выгнан из всех учебных заведений, включая даже частные гимназии. Отец для приличия пристроил его в правление одного банка.

Сам Савельев, вышедший из народа, был богатейшим человеком в Петербурге и пользовался широкой известностью в коммерческом мире как делец.

Николушка лежал и читал газету, как вдруг чуть не подпрыгнул, прочитав про убийство Дергачева.

Лицо его побледнело, он бросил газету и сразу выскочил из постели.

"Вот когда пропал так пропал!" — мелькнуло у него в голове, и на мгновение перед глазами пошли красные круги.

— Только Коська и выручит, — решил он вслух и поспешно начал одеваться, волнуясь и вздыхая.

IV

Судебный следователь Виктор Иванович Ястребов встрепенулся и ожил, когда приехал на место преступления и остановился над трупом Дергачева.

Вот сколько-нибудь интересное дело и, может быть, случай выдвинуться.

На него одним глазом смотрело залитое кровью обезображенное лицо, на котором торпорцились седые усы. Обнаженная голова представляла сплошную рану и теперь была вся облеплена мухами.

Письмоводитель следователя, коротенький, толстый господин с красным лицом и толстым носом, звучно высморкался в синий клетчатый платок и полез в портфель за бумагой.

Ястребов тем временем с двумя околоточными, приставом и с понятыми производил осмотр.

Труп лежал навзничь с раскинутыми руками. Следов борьбы не было видно. По белому пикейному жилету лежала массивная золотая цепь с драгоценным перстнем вместо бре-

Лока.

— А что на цепи? — спросил Ястребов.

Околоточный осторожно вытащил оба конца цепи, и на одном оказался шагомер, а на другом тяжелые мозеровские часы.

— Ограбления нет!

— А это? — сказал пристав и указал на пальто. Левая пола его была откинута, и по ее светлой подкладке проходила кровавая полоса до бокового кармана, который был вывернут.

— Очевидно, из кармана поспешно выдернуто что-то, — сказал пристав.

— Да! да! Очевидно, — подтвердил следователь. — Ну, пишите, Севастьян Лукич, а вы, доктор, сделайте свой осмотр. Личность опознана? Кто опознал? Молочница! Отлично! Ну, пишите!

Доктор стал исследовать рану. Удар, видимо, раздробил череп, и от удара лопнул и вытек левый глаз. Смерть была моментальна.

— Чем его убили?

— Тяжелым и острым. Топором, но только небольшим, с силой необычайной.

— Запишем! — сказал Ястребов.

— Больше ничего? — спросил пристав. — Можно отнести труп на квартиру?

— Да! Только осмотреть все карманы!

Сторож нагнулся и стал обыскивать по очереди карманы убитого.

Часы, шагомер, цепочка; в жилетке перочинный нож; в брюках кошелек и портсигар; в пиджаке бумажник и записная книжка, носовой платок. Все.

— Соберите все и завяжите в платок. Я осмотрю после. Теперь можно унести труп. Кто знает квартиру?

Ястребов кивнул письмоводителю и в сопровождении околоточного направился к квартире Дергачева.

Ястребов расположился в небольшом кабинете Дергачева за его письменным столом, уселся плотнее в кресле, закурил и сказал:

— Начнем! Пожалуйста, — обратился он к околоточному, — соберите — сторожа, который нашел труп, молочницу, что опознала труп, прислугу покойного и дворника. Начнем с них!

Околоточный ввел сторожа.

Следователь услышал рассказ о том, как сторож шел к своему посту, увидел труп и поднял шум:

— Зовите молочницу!

Молочница только опознала труп.

— Зовите прислугу!

Лукерья вошла, и следователь при взгляде на нее невольно улыбнулся, столько в ней было задорного и чувственного.

— Как звать? Кто? Откуда? Года?

— Лукерья Анфисова, крестьянка Лужского уезда, двадцать лет, девица, православная, родители в деревне.

— Ну, расскажи, что он в этот день делал,

куда ушел? Был ли у него кто, не ждал ли он кого? Все говори!

Лукерья рассказала.

— Так. Ну, а как жил он? Может, у него враги были? Была ли у него женщина? Расскажи все про его жизнь.

— Жили они очень даже тихо. Редко, коли кто у них бывал. Разве по делу, больше богатые господа приезжали. А что, женщина у них есть. Караваева, Марья Васильевна. Племянник тоже есть. Только они его от себя прогнали совсем.

— За что?

— Поссорившись были. Племянник пьет и, как напьется, сейчас его ругать. Жидом зовет, процентщиком и всяко! А им неприятно.

Глаза следователя сверкнули.

— Вот! А кто он? Как звать его?

— Господин Трехин, Степан Петрович. А что делает, не знаю. И где живет, не знаю. Озорник!

— Ну, что еще показать можете?

— А больше ничего не знаю!

— Идите! Кто там еще? Дворник? Зовите дворника!

Но вместо дворника в комнату вошел среднего роста, крепкий, с энергичным, умным лицом господин.

Следователь вопросительно взглянул на него.

Вошедший галантно поклонился ему и сразу выяснил свою личность:

— Присланный из Петербурга агент — Алексей Романович Патмосов.

Лицо Ястребова приняло приветливый, но и начальнический вид.

— А! Очень рад! Отлично, помогите нам! Я сейчас кончу последний опрос дворника! А вы бы на место преступления сходили.

— Я уже был, — ответил Патмосов.

— Ну, и отлично! Там, собственно, ничего существенного. Так я продолжаю!

— Прошу! — сказал Патмосов. — А мне позвольте найденное при убитом.

— Пожалуйста! На том столе!

Патмосов присел к столу, развернул узел и начал методически осматривать каждую вещь. Околоточный ввел дворника.

VI

Алексей Романович Патмосов являлся сыщиком по призванию, и сам Иван Дмитриевич Путилин, наш российский Лекок, отличал его за исключительные способности и остроумие.

В настоящее время этого Патмосова знают все, кому он нужен.

Он уже не служит агентом, занимаясь розысками по просьбе частных лиц, но к нему нередко обращается и сыскная полиция в затруднительных случаях.

VII

Следователь обратился к дворнику с обычными вопросами и в заключение спросил:

— Ну, что вы можете показать?

Дворник, молодой парень в новых сапогах, переставил ноги, переложил в другую руку фуражку и сказал:

— Так что барин как барин. За дачу заплатил сразу. Мне тоже платил аккуратно, только скупехонек был. Я ему переносил мебель, так он всего двадцать копеек дал, а обыкновенно рупь дают...

— Бывал ли у него кто-нибудь?

— Так что не замечал. Был тут два раза такой молодой господин, опять, евонная барыня была раз, а то никого.

— Ну, больше ничего! — хотел подвести итог следователь.

— Позвольте еще один вопрос, — мягким голосом произнес Патмосов.

Следователь с неудовольствием взглянул на него и сухо сказал:

— Пожалуйста!

Патмосов обратился к дворнику:

— Скажи мне, голубчик, у Лукерьи, что здесь служит, никого нет? Ни брата, ни ку-ма?..

Дворник широко улыбнулся.

— Как же без этого быть! При ей питерский состоит. Как барина нет, так он и здесь!

— А кто он?

— Говорит, слесарь, а звать Прохором. Ухарь.

Следователь насторожился и быстро вмешался в допрос.

— Говоришь, он часто бывает? Когда был последний раз?

— А вчера; весь день. Барин ушел, а через полчаса времени она его до калитки проводила.

— Барин знал про него?

— Нет! Он словно сам путался с Лукерьей, так она прятала своего-то.

— Иди!

Дворник поклонился и вышел.

— Вы теперь еще раз Лукерью спросите, — предложил следователю Патмосов.

— Да, да, я это хотел! Позовите прислугу! — распорядился следователь.

Теперь, когда вошла Лукерья, он уже не улыбался ей и принял суровый вид.

— Я позвал вас снова, — начал он, — чтобы спросить, кто такой этот Прохор, который к вам ходит, где он живет и когда он был у вас в последний раз? — при этом он испытующе посмотрел на Лукерью.

Лукерья сразу изменилась в лице, но через мгновение оправилась.

— Земляк мой. Вот и ходит. А был вчерась и ушел, когда барин спал. Торопился на восемь часов.

— Как его фамилия, и где он живет?

— Резцов фамилия, а живет в десятой роте, у Селиванова.

— Номер дома знаете?

— Дому четырнадцать, а квартире тридцать восемь.

Патмосов написал на бумажке несколько слов и через письмоводителя передал Ястребову.

Тот прочел и сказал околоточному:

— Введите Копытова!

Околоточный снова ввел дворника. Лукерья исподлобья взглянула на него, и на лице

ее выразилась тревога.

— Скажи точно, когда ушел с дачи этот Прохор? — спросил его следователь.

Лукерья стала белее бумаги.

— С полчаса после барины. Так что уж десять часов пробило.

— И врешь! — вдруг резко сказала Лукерья. — Это ты из ревности брешешь! Восьми не было!

— Говори! Я ж видел, как ты его провожала, а раньше того барин вышел.

— Врет он, господин судья, — заговорила Лукерья с яростью, — с ревности часы спутал.

— Да уж темно было, а в восемь разве темно?

— И темно не было!

— Ну, будет, — остановил их следователь, — идите!

Они вышли, переругиваясь.

— На сегодня все! — сказал следователь. — Собирайтесь, Севастьян Лукич! Ну, что вы нашли, что скажете? — обратился он к Патмосову.

Патмосов встал.

— Сейчас ничего не могу вам сказать, а

завтра что-нибудь выяснится.

— Так, так! Завтра уже ко мне в камеру пожалуйте! Я там буду!

Патмосов поклонился.

— А за Прохором что-то есть! Кажется, мы на следу! — сказал следователь.

VIII

Ястребов ходил по своей камере, которая помещалась в его квартире, в Царском, и говорил письмоводителю:

— Мы должны с вами разыскать убийцу. Это первый интересный случай в моей практике. А то все воровство, кража со взломом, пьяные мазурики, мужичье. Этого же весь Петербург знает. Да!

— Господин Патмосов, — доложил сторож.

— Зови, зови! — закричал Ястребов и встал с кресла навстречу сыщику. — А, здравствуйте! Садитесь. Что новенького?

Патмосов поздоровался с ним, с Флегонтовым, сел и сказал:

— Да особого ничего; так, общие приметы...

— Ну, ну, поделитесь.

— Вот-с как мне пока представляется убийство...

Патмосов закурил и начал рассказ:

— Убитому Дергачеву кто-то назначил в этом месте свидание ровно на десять часов вечера. Дергачев, как вам известно, вышел

сам около десяти и прямо пошел на свидание, придя с опозданием минут на десять. По-видимому, он кого-то встретил на дороге и пошел медленным шагом. Его встретил высокий, крепкий и нервный господин, и они стали о чем-то беседовать, спорить, снова беседовать. Потом спор обострился. Нетерпеливый господин не выдержал. Трах! И готово! А когда убил, то выхватил из его кармана то, что нужно, и ушел.

Следователь слушал его, кивая головою и слегка улыбаясь.

— Так, — сказал он. — Отлично! А чем ударил этот господин Дергачева, и что он вытащил из его кармана?

Патмосов засмеялся.

— Я не ясновидец! Впрочем, ударил он его чем-то вроде топорика. Может, косарем.

— А что украл?

— Бумаги! — уверенно ответил Патмосов. — Только не деньги. Видите ли, этот Дергачев ничем не брезгал и любил нечистые векселя. Так вот... такие векселя. А может, и деньги!..

— Может, деньги, может, не деньги, —

усмехнулся следователь. — Так! Ну, а откуда у вас все эти подробности, дорогой...

— Алексей Романович, — подсказал Патмосов. — Какие подробности?

— Виноват, простите! Да вот насчет времени, роста, нетерпения и прочая.

— Это пустяки, — улыбнулся Патмосов, — вы сейчас сами увидите. У покойника оказался шагомер в кармане, а на шагомере значится пять тысяч семьсот шагов. Я стал мерить. От дачи убитого до мостика, что ведет в парк, ровно три тысячи двести шагов, то есть минут двадцать ходу, а так как он вышел совсем перед десятью, то, значит, пришел минут на десять-пятнадцать после десяти. Ясно?

Следователь кивнул.

— А что тот ждал в нетерпении, так видно по окуркам папирос. Он грыз их и подле мостика набросал целую кучу. Характерные окурки! — и Патмосов положил на стол сверток бумаги, в котором оказалось штук двадцать папиросных окурков. Они были с непомерно длинными мундштуками, причем самые мундштуки были изгрызаны. — Я их вчера собрал, — заметил Патмосов. — По дорож-

ке валялись, а у мостика штук десять. Понятно, нетерпеливый.

— Ну-с, а рост?

— Да Дергачев роста среднего, а тот его по темени бил! Очевидно, высокий. Теперь дальше-с. От ворот до мостика я сосчитал девяносто шагов, а осталось, по шагомеру, две тысячи пятьсот. Вот они и ходили взад и вперед. Раз тридцать, а что иногда останавливались — видно было опять по окуркам. В ином месте вдруг три окурка.

— Что же вы думаете? — спросил следователь.

— Я бы пересмотрел его бумаги и записки. Быть может, там какой-нибудь намек. Вы смотрели бумажник?

— Смотрел; семьдесят пять рублей и три письма от какой-то любовницы.

Патмосов промолчал, потом сказал:

— Вы позвольте мне их?

— Сделайте одолжение. Севастьян Лукич, дайте! Ну, что вы еще узнали?

Патмосов осторожно взял три почтовых листика, уложил их в свой бумажник и ответил:

— Насчет Лукерьи и Прохора... Оба хороши, Лукерья судилась за кражу у барина на одном месте, где она служила. Но была оправдана, а этот Прохор два раза в тюрьме сидел за кражи.

Следователь вскочил.

— И вы молчали! Вот вам и убийца! Арестовать его, и все!

— Ваше дело, — сказал Патмосов.

— И думать нечего! Вот вам приказ. Пожалуйста! Заодно и обыск у него сделать, и сейчас же его ко мне переслать!

Догадливый Флегонтов уже написал постановление и подал Ястребову. Тот подписал бумагу и передал ее Патмосову.

Патмосов встал.

— Так я пойду!

— Пожалуйста!

В это мгновенье вошел сторож.

— Барыня вас видеть хочет. Сказывает, насчет убийства!

— Проси! — быстро сказал следователь и обратился к Патмосову: — Вы останьтесь!

Патмосов поклонился и отошел в угол камеры, где сел на стул.

В то же время в комнату порывисто вошла пышно и безвкусно одетая дама и обратилась к следователю:

— Вы господин следователь?

— К вашим услугам! — галантно ответил Ястребов, подавая стул.

— Который по убийству Дергачева?

— Совершенно верно!

— Я знаю убийцу! — сказала дама и, стукнув зонтиком, вызывающе оглядела стены камеры, следователя, письмоводителя и скромно сидящего Патмосова.

IX

Следователь смутился.

— Сударыня, это так важно! Вы позволите записать?

— Пишите, мне все равно! Как только Катя мне сказала, я сразу! Я его не боюсь, мерзавца...

Следователь мигнул письмоводителю и заговорил:

— По порядку, сударыня. Имя, отчество, звание и все прочее?

— Знаю, знаю! Звать меня Караваева, Мария Васильевна, кронштадтская мещанка, сирота, православная, двадцать четыре года, цеховая портниха. Вот и все! Довольно?

— Великолепно, — улыбался следователь, — теперь что вы имеете передать по делу об убийстве Дергачева?

— А кто убийца! Видите ли, я прямо, — начала она, оборачиваясь то к Ястребову, то к Флегонтову, я прямо скажу, что была на содержании у Дергачева. Скупой был покойник. Правда, возил гулять, платья дарил, вещь, коли заклад просрочен...

— Как? Он под вещи давал?

— А то как же! По клубам больше. Проиграются и закладывают.

— Так. Продолжайте.

— А денег всего сто рублей давал. У него племянник Степан Петрович Трехин. Только совсем разбойник. Пьет и буянит. Я уж вам всю правду говорю. Я попуталась с ним и даже денег ему давала, только с ним одно горе. А тут он с Дунькой связался. Да! Она у Коровина на содержании. Так вот. Этот Дергачев, покойник, царство ему небесное, раз мне и говорит: "Никого у меня нет. Люби меня крепко, а я на тебя все отпишу". Вот как я поссорилась со Степкой, и скажи ему это. Как он зарычит, как вскочит! "Да я, — кричит, — убью раньше того!" И убежал. Это в субботу было, а нынче читаю — и убил! Понятно — он!

Она порывисто перевела дух.

Наступила тишина. Флегонтов торопливо подал бумагу следователю.

Ястребов прочел вслух показание.

— Теперь подпишите его!

— С удовольствием.

Она сняла перчатку и старательно вывела

свою фамилию.

Потом встала, взяла зонтик и сказала:

— Я вас очень прошу буду поискать завещание.

— Есть, так отыщем! Ваш адрес?

— Поварской, дом пять!

— В случае чего мы вас потревожим. А Трехина адрес?

— Жил на Невском, пятьдесят четыре, в мебелирушках, а сейчас не знаю!

— Благодарю вас!

— А убил он, это я знаю!

Караваева сделала общий поклон и, шурша юбками, вышла.

— Ну, что вы думаете? — спросил следователь.

— Разузнать надо, — сказал Патмосов.

— Непременно! Севастьян Лукич, напишите повестку Трехину.

— А как насчет Прохора Резцова? — спросил Патмосов.

Следователь развел руками.

— И не пойму! Вот история! Понятно, арестуйте. Что на него смотреть! Не он — отпустим! Теперь у нас двое.

Х

Трехина искать не пришлось. Он приехал в квартиру убитого дяди и тотчас начал распорядиться в ней как хозяин.

Это был господин лет тридцати трех, с типичной наружностью отставного поручика-скандалиста.

— Где ключи? — спросил он у Лукерьи, едва вошел в комнату.

— У следователя и пристава. Пришли, все описали, печати присургучили и ушли!

— Так! А ты стащить много успела? А? Ха-ха-ха! Ну, там я с ними поговорю! А теперь устрой закуску и водки! Скоро!

Лукерья засуетилась готовить завтрак новому барину. Он прошел в спальню, где, не снимая сапог, растянулся на дядюшкиной постели. Лукерья принесла ему завтрак.

— Свои истратила, — сказала она.

— Ничего, сквитаемся, — ответил Трехин и, обняв ее под колени, привлек на постель.

— Ну, говори, старый хрыч путался с тобою? А?

— Что это вы, какие глупости! — кокетли-

во усмехнулась Лукерья, оказывая ему слабое сопротивление.

— Рассказывай! Он ко всякой бабе, как муха к меду! Машка была?

— Была. К следователю ездила и на вас показала, а потом сюда.

— На меня? Что на меня?

— А что вы дядюшку своего убили! — сказала Лукерья.

Трехин выпустил ее и вскочил.

— Это она на меня! Ха-ха-ха! Со злости, значит. От великой ревности. Ну, уж и оттреплю я ей шиньон! Будет знать Степана!.. А что ей наследство улыбнулось — это верно!

— Она сказывала, что он уже написал.

Трехин опять вскочил и вытаращил глаза, словно подавился куском.

— Врет! — заревел он через мгновение и вдруг, схватив фуражку, вихрем вынесся из комнаты...

Следователь только что окончил обед и собирался отдохнуть, когда слуга доложил ему о господине, который непременно хочет его видеть.

— Обязательно и непременно! — раздался

сильный голос, и в комнату вошел Трехин.

Ястребов встал и вопросительно посмотрел на него.

— Трехин! Степан Петрович, оговоренный девицей Караваевой в убийстве своего дяди и, между прочим, пришедший узнать о наследстве, так как нет ни гроша! А по оговору готов отвечать.

Ястребов на мгновение растерялся.

— Простите, теперь неслужебное время, и по делу я вас прошу прийти ко мне завтра к одиннадцати часам.

— Очень хорошо!

— Что же до наследства, это меня не касается. На ввод есть законный срок, а до той поры все у судебного пристава.

Трехин словно опомнился.

— Очень хорошо! Прошу извинить! До завтра! — и, щелкнув каблуками, он повернулся и вышел.

Ястребов лег на диван.

— Чушь, — сказал он вполголоса, — убийца так открыто не появился бы. Просто баба из ревности наплела... Однако рожа разбойничья, — через минуту пробормотал он, — в

уголовной практике встречаются всякие наглецы... Завтра выясню, — решил он и закрыл глаза.

XI

Патмосов вышел из вагона и, не заходя домой, направился в меблированные комнаты на Невский, в дом пятьдесят четыре.

— Где здесь живет Трехин? — спросил он дворника.

— А в номере шестнадцать, у Анфисовой. Вон лестница направо, — указал он.

Патмосов поднялся по лестнице, остановился у квартиры № 16 и позвонил.

Незапертую дверь открыли, и Патмосов увидел высокую старуху с нечесаными волосами и выпученными глазами.

— Трехин, Степан Петрович, дома? — спросил он.

Старуха энергично тряхнула головой.

— Третий день нет. Как ушел, так и нет. Вам что?

— Дело есть. Позвольте ему записку оставить.

— А, сделайте милость. Войдите к нему. Вот дверь направо!

Патмосов отворил дверь и вошел в типично меблированную комнату.

Он подошел к письменному столу и присел. В комнате появилась старуха и спросила его:

— Вы кто же будете? Из приятелей?

Патмосов кивнул.

— Чай, по "Зеленому якорю"? — сказала снова старуха и продолжала: — Его нет, а в газетах пишут, что его дядюшку ухлопали. Наследник теперь. То-то начудит!

— Не без этого! — вставил Патмосов.

Старуха подошла ближе и понизила голос:

— А он-то его ругал да поносил! Как напьется, так и ругать его! Тут в субботу вернулся пьяный-пьяный и ну кричать: "Убью я его, пса старого!" Даже страшно. Ан и накликал!

Патмосов встал.

— Я лучше зайду завтра!

— А записку?

— Нет, я уж на словах.

— Как знаете, а коли его завтра не будет, объявку сделаю и комнату сдавать буду. Ну его!

Патмосов отправился в сыскное и попросил найти Резцова, дав его адрес.

— Просто сыскать?

— Да! И если он есть на квартире, известить меня, а нет — поискать по городу и тоже меня известить. Арестую я сам!

Дома Патмосов достал бумажник, вынул из него три почтовых листика и начал внимательно прочитывать их.

Это были три письма, писанные, несомненно, одной и той же женщиной к любимому человеку, и для Патмосова, по мере чтения их, становилось ясно, что процентщик не может получать таких писем.

Первое письмо начиналось воплем любящего сердца: "Сереза, не мучай меня так безжалостно!" Дальше шло страстное объяснение в любви и опять просьба не говорить о чем-то — "об этом".

"Я не могу решиться на это никогда, никогда, — читал Патмосов. — Он для меня отец, а для него дочь. Могу ли я надругаться над его чувством и оставить его одинокого! Я и так считаю себя подлой, подлой. Не мучай же меня, Сереза, и не говори мне об этом", — оканчивалось письмо, и после него подпись: "Твоя В."

Второе письмо касалось ребенка — "ма-

ленького нашего Сережи".

"Я была вчера у него", — написано было дальше, и следовало восторженное описание младенца.

И, наконец, третье — не письмо, а записка: "Бога ради, съезди туда и сегодня же сообщи мне, что с С.? У нас прием, и я как арестованная. Бога ради!"

И все.

Как они попали в бумажник Дергачева? Кто этот Сережа, эта В.? И что-то подсказывало Патмосову, что в этих письмах тайна убийства.

XII

Следователь еще спал, когда наутро следующего дня к нему приехал Патмосов и прямо прошел к нему в спальню.

— Вы извините меня, что я прямо лезу, но времени мало, — здороваясь, сказал он лежащему в постели Ястребову.

Ястребов встрепенулся.

— Что-нибудь новое?

— Резцова арестовал.

— Что же? Он?

— Сказать не могу, но странного много. Двадцать седьмого он ушел из квартиры и не показывался в ней. Я отрядил искать его по всем вертепам, и вот на Подольской, в непотребном доме, его нашли совсем пьяного. Он угощал компанию и хвастал деньгами. Я приехал и арестовал его. Свез в отделение к нам, и там у него нашли четыреста рублей и серебряный портсигар с монограммами.

— Спрашивали? — быстро спросил Ястребов.

— Украл, несомненно, но путает. Что был у Лукерьи, сознается; а где ночь провел — не

указывает.

— Ну вот! Понятно, он убил! — воскликнул Ястребов. — Где же он?

— Вам его сегодня к одиннадцати часам доставят.

— Вы будете?

— Нет, я хочу на похороны сходить.

Ястребов стал одеваться, а Патмосов собрался уходить.

— Вот найденное у него и протокол обыска, — сказал он, кладя на стол деньги в засаженном кошельке и массивный портсигар.

— Из залогов, верно, — предположил Ястребов.

— Вы позволите взять его на несколько часов? — попросил Патмосов.

— Пожалуйста!

Патмосов ушел, а Ястребов напился чаю и прошел в камеру.

Флегонтов был уже на месте.

— Ну, Севастьян Лукич, — весело сказал Ястребов, — убийца-то, кажется, у нас. Сейчас приведут

— Кто же это, Виктор Иванович?

— А Резцов, слесарь Резцов!

— Патмосов то же говорит?

— Он и арестовал. Да что он! Знаете, они все сыщики только, как ищейки, если их по следу пустить. А чтобы додуматься до истины...

В этот момент дверь распахнулась, и в камеру в сопровождении сторожа ввалился Трехин.

— Вот и я! Честь имею кланяться!

Ястребов сердито посмотрел на него и строго сказал:

— Надо было доложить о себе, а не врываться.

— Я и не врывался, а если ваш сторож свою сигарку курит, мне некогда ждать. Я хочу еще на погребень поспеть.

— Садитесь! — сказал ему Ястребов.

— Сел! — Трехин опустился на стул, вытянул ноги и закурил папироску.

— Рекомендую вам говорить только правду, — предупредил Ястребов и предложил обычные вопросы.

— Трехин, Степан Петров, православный, тридцати четырех лет, холостой, дворянин, поручик в отставке. Вот! Под судом не был, у

следователя впервые! — Трехин затянулся папироской.

— Так. Так вот, некая девица Караваева обвиняет вас...

Трехин резко повернулся на стуле.

— В убийстве дяди! Ха-ха-ха!

— Что вы можете сказать по этому поводу? — сухо спросил следователь.

— То, что она — дура! Захоти я, и она сегодня же придет к вам и будет клясться, что наплела, но мне плевать!

— Однако вы не любили своего дяди?

— За что любить? Жид, закладчик.

— Вы грозили убить его?

— И не раз! И убил бы, если бы на момент попал, — сверкая глазами, ответил Трехин.

— Гм... И вот он убит... Где вы были двадцать седьмого числа?

— Разве я помню!

— Ну, постарайтесь припомнить. Припомните хотя, были вы в Павловске или нет?

— В Павловске? Был!

— И поздно уехали?

— В час ночи.

— И дядю видели?

— Видал.

— Где?

— На вокзале. Он шел и разговаривал с одним молодым человеком. Пошел мимо театра, по дороге к павильону.

Следователь быстро переглянулся с Флегонтовым.

— Ну-с, а вы, значит, сзади шли.

— Да, — угрюмо ответил Трехин, — я с ним говорить хотел.

— И что же?

— Не дождался, когда он кончит, и бросил их.

— Куда же вы пошли?

— А это уж мое дело, — резко ответил Трехин.

— Совершенно верно. Потрудитесь подписать ваши показания.

— С полным удовольствием! — и Трехин с росчерком подписал свою фамилию. — Извольте!

— А теперь, господин Трехин, — сказал следователь, — я вас должен арестовать и препроводить в тюрьму!

Трехин вскочил и иступленно завопил,

тараща глаза:

— Что ж, вы мне не верите? Дворянину не верите? По оговору девки я — убийца?

— Пожалуйста, не кричите! — сказал Ястребов. — Возьмите его! — приказал он вошедшей тюремной страже.

Трехин хотел что-то сказать, приостановился, но вдруг с отчаянием махнул рукою и вышел из камеры. В эту минуту вошел городской с рассыльной книгой.

— А! Резцова привели?

— Так точно-с! — ответил городской, подавая книгу Ястребов расписался.

— Впустите его!

В камеру широким шагом вошел Резцов и остановился у порога с видом привычного ко всему человека.

Это был парень лет тридцати, типичный мастеровой, в высоких сапогах и пиджаке поверх парусиновой грязной блузы.

— Вас вчера задержали в доме терпимости на Подольской улице?

— Так точно.

— Кутили?

— Так точно.

— На какие же деньги?

— Нашел. Шел это ночью по Загородному мимо полка и нашел. Лежит папиросница. Я ее взял, а в ней деньги.

— Так. Лукерью Анфисову вы знаете?

— И очень даже хорошо. Земляки.

— Когда вы у нее были в последний раз?

— Позавчера, двадцать седьмого числа.

— И пробыли?

— Так часов до восьми. На восьми уехал.

— А не поранее?

— Никак нет. Спросите ее.

— Хозяина Дергачева вы видели?

— Не видел. Лукерья ходила в комнаты. Он обедал, потом спал.

— Так что вы ушли после него?

Резцов чуть улыбнулся и ответил:

— Зачем после, когда в восемь часов?

— А он ушел в котором часу?

— А я — то почему знаю! — уже резко ответил Резцов.

— Пока довольно, — сказал следователь и приказал увести Резцова.

— Господин просят войти, — сообщил сторож и подал Ястребову карточку.

Ястребов прочел: "Карл Эмильевич Розенцвейг".

— Прости!

В комнату вошел маленького роста, седой старичок, одетый в длинный нанковый сюртук, с тростью в руке.

Он церемонно поклонился, сел и, обернувшись всем корпусом к Ястребову, заговорил:

— Я за убийств господин Дергачев прошу взять господина Савельев. Да! Молодой господин Савельев. Николай Николаич! А почему? Господин Дергачев и я с ним давали денег под вексель, под гут вексель. И Савельев давал два вексель на тысячу двести рублей и брал у нас деньги. А потом мы узнал, что его папаша не давал свой подпись.

— Значит, этот Савельев дал вам с чужой подписью вексель?

— Ja! {Да! (Нем.)} С подписом отца, коммерц-советник Савельев.

Следователь кивнул.

— Ja! — продолжал немец. — А двадцать восьмого им был срок, и я видел, как Савельев этот был в Павловск и ловил Дергачев и был пьян. Это он убил его и взял вексель!

— Завтра я осмотрю бумаги покойного, и если этих векселей не окажется, я приму к сведению ваше сообщение.

— Пожалуйста! Это очень дурной молодой человек! Николай Николаевич, сын Савельева, свой дом на Гороховой, у Красного моста. Это он сделал!

Немец встал, торжественно откланялся и вышел. Ястребов вскочил с кресла.

— Вот вам и третий! Что вы скажете?

— Трудное дело, Виктор Иванович, — вздохнув, сказал Флегонтов. — Запутанное дело!

XIII

Патмосов подоспел к выносу тела.

Мимо него пронесли гроб и прошли немногие из провожавших, какие-то женщины и между ними Марья Васильевна. Лукерья собиралась запереть двери и идти тоже, когда Патмосов нагнулся и как будто поднял с порога серебряный портсигар.

— Смотри, обронил кто-то!

Лукерья взглянула на вещь и побледнела. Дверной ключ упал у нее из рук.

— Узнала? — тихо сказал Патмосов.

— Ничего не узнала! — грубо ответила Лукерья. — А напугали вы меня!

— Ну, так моя находка, — усмехнулся Патмосов и пошел к кладбищу.

Скоро он догнал процессию и зорко осмотрелся, но ничего из того, чего он ждал, не увидел.

Он дошел до кладбища, был в церкви и уехал домой с твердым решением отыскать "Сережу" и "В."

XIV

На другой день Патмосов, еще лежа в постели, получил от Ястребова телеграмму, которой тот звал его к себе.

— Ишь его разбирает, — усмехнулся Патмосов и, отложив письмо в сторону, стал одеваться.

В это время раздался звонок, и в комнату Патмосова заглянула прислуга.

— Вас один барин повидать хочет! — сказала девушка.

— Проси! — Окончив туалет, Патмосов вышел в свой рабочий кабинет, куда уже входил пожилой господин, одетый с изысканной простотой.

— Алексей Романович Патмосов?

— К вашим услугам!

— Я к вам с рекомендацией от Ивана Дмитриевича, — сказал гость. — Выручайте, а я уж не обижу!

Гость протянул визитную карточку Путилина, на которой Патмосов прочел просьбу оказать всякое содействие подателю.

— Чем могу служить? Садитесь!

Гость опустил ся в кресло.

— Меня зовут Николай Поликарпович Савельев. Может, слышали?

Патмосов поклонился с улыбкою.

— Как же не знать Савельева!

— Известно вам, что у меня есть сын?

Патмосов кивнул.

— И о нем все известно?

— Не у дел, любит кутить, тратить...

— Сегодня, в шесть часов утра, я побывал у его приятеля, большого мерзавца, Константи на Дмитриевича Носова. Ну-с, так тот объяс нил, что сын мой дал этому Дергачеву с моей подписью векселей на тысячу двести рублей, получив восемьсот рублей, и двадцать седь мого, заметьте, был у него в Павловске, а два дцать восьмого им срок. Вот и все.

— И вы думаете?..

Савельев вытер платком вдруг вспотевшее лицо.

— Ничего не думаю и всего ожидаю. Так вот, просьба. Расследуйте это дело и, если можно, спасите мальчишку! — Савельев взял за руку Патмосова.

Патмосов сочувственно пожал его руку и

ответил:

— Будьте покойны, по простому подозрению его не привлекут. Я выгорожу. А теперь вы можете взять его на поруки. Я сейчас еду в Царское.

Савельев встал.

— Я не забуду вам этого!

— Глупости! — ответил Патмосов, провожая гостя до самых дверей.

"И с чего он схватил Савельева?" — думал Патмосов через полчаса, идя к вокзалу Царскосельской железной дороги.

XV

Ястребов встретил его радостный и возбужденный.

— Вы у меня обедаете, — сказал он, — и поговорим. Я другими делами занят, но скоро освобожусь. Вы необходимы мне!

Патмосов поклонился.

До обеда было еще добрых три часа, и он не спеша направился к Павловску, мимо того места, где было совершено убийство.

Он шел дальше, глубоко задумавшись, когда вдруг услышал густой лай большой собаки; он обернулся; его нагонял всадник, а впереди всадника бежал огромный дог, оглашая пространство лаем.

Вдруг к ногам Патмосова упал предмет, при виде которого он вздрогнул всем существом.

Это был окурок папиросы. Окурок с таким же длинным мундштуком, такой же толщины, как те...

Патмосов с жадным любопытством взглянул в сторону удалявшегося всадника и увидел только широкие плечи и густые каштановые

вые волосы, прикрытые соломенной шляпой.

Он рванулся было бежать за ним, но потом одумался, добрался до первой скамейки и сел на нее. Подле него дворник мел дорогу.

— Богатое место! — сказал ему Патмосов.

— Мое-то? — удивился дворник.

— Не ваше, а эта дорога! Сколько по ней собственных экипажей едет, сколько тысячных коней! А верхом! Вон сейчас проскакал. Кто это? Не знаете?

— Где их всех знать! Этот из Царского. Часто ездит. Пронесется туда, потом назад — и все! Завсегда с собакою.

Патмосов встал, кивнул дворнику и бодрым шагом пошел к Ястребову.

— Мы на балконе сядем, — сказалследователь радушно, — жара! У меня великолепнейшая ботвинья!

Они съели ботвинью, съели отбивные котлеты, малину со сливками, и, наконец, прислуга подала коньяк и кофе.

Ястребов налил кофе, предложил гостю сигару, рюмку коньяку и наконец, раскурив сигару, откинулся к спинке плетеного кресла.

— Ну-с, дорогой Алексей Романович, те-

перь поговорим! Вы знаете, я вчера еще арест сделал и ни свет ни заря уже допрос снял.

— Молодого Савельева? — сказал Патмосов. Ястребов вытаращил глаза.

— Вы откуда знаете?

— Я все знаю, — улыбнулся Патмосов, — но что же вы от него узнали и почему арестовали?

— На него вчера показания сделал компаньон Дергачева, Розенцвейг.

— Так!

— Он видел его с Дергачевым — раз, а два — у Дергачева были векселя с подложной подписью, работы этого господина Савельева.

— Так!

— Но что важно, на него указывает Трехин. Наконец, Савельев сказал сперва, что не видел, потом видел, и совершенно не говорит, где был ночью. Вот видите, подозрительно? А? Да, да! И еще! Векселей его я не нашел у Дергачева. Вчера с судебным приставом все пересмотрел. Векселей куча, и все по срокам разложены, а его векселей нет! А?

Патмосов молчал.

Ястребов поправился в кресле.

— Теперь этот Трехин! — заговорил он снова. — Тоже не говорит, где ночь провел, тоже видел Дергачева, и ко всему — неистовый человек. Совершенно одержимый! А убить — расчет, едва он узнал, что наследство может мимо носа пройти. А?

Патмосов опять промолчал.

— И, наконец, Резцов! Этот — прямо разбойник. Был на очной ставке с дворником и все свое: "Уехал в восемь часов, а деньги — нашел!"

— Портсигар Лукерья признала. Вот он! — Патмосов положил портсигар на стол и передал эпизод с Лукерьей.

— Вот видите! — оживился Ястребов и заговорил просительным голосом: — Теперь все от вас зависит, голубчик, Алексей Романович!

— Что же от меня-то?

— Обличить их надо! Где были, когда выехали, как убили, чем. Я вам бумажки уже изготовил. Сделайте обыски у них, опросите всех. Господи, да вы уж знаете все это! — взмолился Ястребов.

Патмосов встал, встал и Ястребов.

— Вот эти бумажки. Пожалуйста!

— Хорошо, я сделаю, — сказал Патмосов, прощаясь с хозяином.

— Ну вот. Ведь из трех уж, наверное, один убийца!

— Четвертый! — засмеялся Патмосов и, пожав руку хозяину, вышел в сад.

XVI

По пути домой Патмосов размышлял: «Который из трех? Да, понятно, четвертый! И этот четвертый — тот всадник с собакою. И это — убийство не для грабежа. Все ясно. А тайна — в письмах и там, подле Серёжи! Да, да!»

Дома он сел к столу, взял лист бумаги и написал:

"Уважаемый Николай Поликарпович! Знаю наверняка, что сын ваш не совершил этого дела. Что касается опрометчиво подписанных бумаг, то они исчезли неизвестным образом. Ваш...".

Он подписался, вложил письмо в конверт и надписал адрес Савельева.

XVII

Таинственный всадник был найден Патмосовым на другой же день.

В двенадцать часов дня он уже сидел на той скамье, в парке Павловского вокзала, подле которой вчера видел всадника, курил, читал газету, гулял по аллее, а время ползло, как черепаха.

Но вот пошел второй час, и на аллее из Царского показался всадник.

Патмосов внимательно разглядел его.

Это был красавец блондин лет тридцати шести, с окладистой русой бородой, с пышными волосами, богатырь по сложению. Он ехал медленным шагом, держа руки на луке седла.

"Теперь ждать, когда поедет обратно", — решил Патмосов и пошел по прямой аллее до первого поворота в Царское.

Этого места всаднику не миновать.

И опять потянулись часы ожидания.

Но вот раздался лай собаки, и показался всадник.

На этот раз он ехал крупной рысью и мерно подскакивал на седле.

Патмосов проводил его глазами до следующего поворота и, заметив направление, быстро пошел за ним.

Дойдя до поворота, он увидел сторожа парка и спросил его:

— Скажите, в каком направлении проскакал господин на лошади? Еще с ним большая собака... Я поднял портсигар, который он обронил! — и Патмосов показал серебряный портсигар.

— А прямо в ворота и налево!

Дойдя до Софии, Патмосов с тем же вопросом обратился к городовому.

— По этой улице!

Дальше, на углу Велиовской, городской ему сказал:

— Господин Санин, дом номер девять!

Первая часть задачи была выполнена.

Патмосов прямо направился в полицейскую часть, назвал себя и попросил дать справку о Санине.

— В одну минуту! — с готовностью отозвался пристав. — Богатейший барин. Художник. Портреты пишет и, говорят, дешевле двух тысяч не берет! А? Зовут Сергеем Матве-

евичем, а живет здесь в гостях, у князя Таруханова, кирасира.

— А в городе?

— В городе у него мастерская. Позвольте! — он заглянул в листки. — Тучкова набережная, три. Ишь куда занесло!

— Благодарю вас!

Патмосов почувствовал смущение. Такое лицо вряд ли может быть убийцей.

Вдруг он остановился посреди дороги и крепко хлопнул себя по лбу. А! Он — Сергей, и тот — Сережа! Что же это значит?

XVIII

На другой день Патмосов нарядился денщиком и направился на Тучкову набережную, три.

На тяжелой, массивной двери он прочел дощечку: "Сергей Матвеевич Санин" и смело дернул шнур звонка.

Дверь отворил молодой человек плутоватого вида, без пиджака, подпоясанный зеленым фартуком, с метелкой в руке.

— Чего тебе? — спросил он.

— Полковница прислала, — простодушно ответил Патмосов, — приказала спросить, когда приехать портрет писать?

— Сергей Матвеевич завтра быть обещался, — ответил слуга.

Патмосов не уходил. Он подмигнул слуге и сказал:

— А где тут у вас портерная, мил человек? Пивка бы парочку!

Лицо слуги тотчас изменилось.

— Подожди секунду, я надену спинжак и тебя проведу! Войди пока! — он впустил Патмосова в прихожую и бегом взлетел по лест-

нице во второй этаж. — Сичас! — крикнул он.

Патмосов огляделся.

Передняя представляла роскошную комнату, уставленную растениями и статуями. Взор Патмосова быстро скользил с предмета на предмет и вдруг приковался к длинной стойке для палок.

Патмосов стал перебирать трости.

Вдруг он нагнулся и быстро поднял лежавшую внизу палку.

Она была выточена из американского дерева и оканчивалась топориком вершка два шириною. Патмосов взял ее за середину и взмахнул ею.

Лицо его осветилось торжеством.

— Вот и я, — сказал слуга, сойдя с лестницы, — любовался?

— Много палок, — ответил Патмосов, — а с этой хоть на медведя!

— Редко берет. Последний раз брал, вернулся, швырнул: "Тяжелая, — говорит, — уברי!"

— Давно брал? — небрежно спросил Патмосов, идя к двери.

— Нет. С ей он к князю уехал, а позавчера

привез. Приезжал.

— Часто бывает?

— Теперь нет. Вот завтра будет.

Он запер подъезд, положил ключ в карман и пошел с Патмосовым, добродушно болтая.

— Мне у его житье, как на квартире. Что барин! Ей-Богу! Коли пришел кто — на чай тебе. Меньше полтины и не дают.

Они вошли в портерную, Патмосов спросил пива, и тот продолжал:

— Только комнаты убери, кисти вымой, и все! Кухарка готовит. Совсем барин! А жалованья — двадцать пять!

— Ваше здоровье, как вас звать?

— Василий Афанасьевич. А вас?

— Петр Демьяныч.

Они выпили.

— А давно вы у него на службе?

— Второй месяц. Раньше у него жил такой непутевый, пьяница: какие-то письма у него украл, ну, барин и выгнал!

Сердце Патмосова забилося.

— Письма? — повторил он.

— Мне Матрена сказывала. Барин, слышь, чуть не убил его. Потом выгнал.

Словно свет озарил Патмосова.

Допив пиво, он расплатился, крепко пожал руку Василью и сказал:

— Так передайте барину, чтобы подождал!

— Ладно. Приходи еще.

Патмосов проводил его до дверей подъезда, и они расстались.

Ястребов чувствовал раздражение на Патмосова.

— Опять не был, — сказал он Флегонтову, входя в камеру, — это черт знает что! Это недобросовестно! Что я без него буду делать, а?

В это время вошел сторож.

— Просит принять кухарка эта.

— Какая кухарка?

— Та, что у убитого служила.

— Зови, зови! — следователь оживился.

В камеру вошла Лукерья и с грохотом упала на колени.

— Виноваты мы, — тихо покаялась Лукерья, — ограбили покойника. Я и Прохор.

— Убил он? — спросил Ястребов.

— Что вы, прости Господи, — и Лукерья даже отодвинулась. — Ограбили его, точно...

Следователь разочарованно вздохнул.

— Как же, когда и что?

— Добро всякое, а денег тысячу.

— Когда же украли?

— Как барин на музыку пошел. Я — четы-

реста, а он — шестьсот взял. Вещи тоже взяли. Которые в щекатулке, внизу были. Заперли. Прохор и ушел.

— А где вещи?

— Его не знаю, а что у меня, так вот! — и Лукерья положила перед Ястребовым сверток.

Он развернул его и увидел пачку денег, два браслета, часы, цепочку, серьги и крупную брошь.

— Губа не дура! — усмехнулся Ястребов, отодвигая вещи. — Ну, молодец, что покаялась! Грамотная?

— Грамотная! — уже бойко ответила Лукерья.

— Ну, вот — подпиши! — Ястребов взял от Флегонтова записанное показание, громко прочел его и положил перед Лукерьей. — Подпиши!

Она подписала.

— Ну, а теперь тебя арестовать надо!

Лукерья покорно кивнула головой. Ястребов написал приказ, и Лукерью увели.

Патмосов с утра стал готовиться к предстоящему свиданию.

Он наклеил себе бороду и на нос нацепил пенсне с темными стеклами.

После этого он надел форменные военные брюки, белый китель с полковничьими погонами, повесил шашку, взял общегвардейскую фуражку и с удовлетворением оглядел себя в зеркало.

Он еще раз оглядел все мелочи, взял три письма Веры Андреевны, тщательно спрятал их и суеверно перекрестился.

На улице Патмосов взял извозчика и поехал на Тучкову набережную.

Василий тотчас отворил ему. Теперь он был одет в серый казакин со светлыми пуговицами.

— Барин дома? — спросил Патмосов.

— Дома-с! Пожалуйста! — и Василий указал ему на лестницу.

На площадке показался художник в серой блузе. Солнце освещало его львиную голову, он был красив, как Антиной.

Сердце Патмосова сжалось.

Он предпочел бы видеть на его месте типичного злодея.

— Сюда! Сюда! — говорил звучным голосом Санин. — Ко мне, в мастерскую! С кем имею честь? Дурак-слуга сказал, что ко мне собиралась барыня.

Патмосов поднялся наверх и не решился пожать протянутую ему руку.

Он взял в одну руку фуражку, а другой вынул носовой платок.

— Полковник Снегирев. Вчера правда моя жена к вам собиралась и денщика послала, но жара, мигрень... знаете? И вот я вместо нее. А что до барыни, так, может, к вам еще кто собирался?

— Нет, нет, — поспешно ответил Санин, — избави Бог! Сюда! — Он отпахнул тяжелую портьеру, и они вошли в громадную мастерскую в два света, со стеклянной крышей.

Санин размашисто двинул мягкое кресло, поставил подле него курительный прибор и сказал:

— Садитесь, курите и говорите, чем могу служить, а я помалюю!

Он сел на табурет перед мольбертом и взял из вазы кисть.

Патмосов опустился в кресло и заговорил непринужденным тоном:

— У вас тут целый музей! Даже внизу: и зверинец, и коллекция палок. Прекрасные палки!

— Да, есть! — небрежно ответил Санин.

— Одна, которая с топором, — продолжал болтать Патмосов, в то же время следя за лицом Санина. — Недорогая, но незаменимая. Если ей стукнуть! Я знаю случай, когда одним ударом такой палки разбили голову, как орех. Вам, вероятно, случается бродить по пустынным местам?

Патмосов увидел, как омрачилось лицо художника и как дрогнула кисть в его руке.

— Палка дрянь, — сказал он после минутного молчания, — я велел ее убрать, а этот дурак все ее ставит.

Патмосов взял из ящика папироску с толстым, длинным мундштуком и спросил:

— Вы всегда курите эти папиросы?

— Всегда, — уже с некоторым раздражением ответил Санин, — а что?

Патмосов закурил и, стараясь казаться равнодушным, сказал:

— Приметные очень. Если бы вы совершили преступление, по одним этим папиросам вас могли бы найти и обличить!

Рука у Санина задрожала, и он быстро откинулся от мольберта.

— Я бы унес с собой свои папиросы, — сказал он с деланным смехом.

— А окурки? — тихо произнес Патмосов и замолчал.

Санин резко двинулся на табурете и, отвернув лицо, будто роясь в красках, сказал:

— Будьте добры объяснить мне цель вашего визита. Признаюсь, наш разговор начинает меня утомлять.

Патмосову стало жаль этого человека.

— Я хотел просить вас написать мне картину.

— Я картин не пишу, — глухо ответил Санин. — Я портретист.

— Здесь главным образом лица. Если позволите, я расскажу ее содержание.

Патмосов видел, как сбежала краска с лица Санина, и слышал его прерывистое дыха-

ние.

— Расскажите, — глухо произнес он.

— О, в двух словах! — сказал Патмосов. — Ночь; дорожка вдоль оврага; на ней двое. Один энергичный, сильный, молодой, другой — пожилых лет, дряхлый, с хитрым, развратным лицом. И этот сильный поражает его в голову палкой, на конце которой...

Санин вдруг вскочил, и лицо его исказилось бешенством.

— Ты не офицер, ты — агент! — закричал он и бросился на Патмосова.

Тот успел отскочить за кресло.

— Что же, вы хотите и меня убить? — сказал он спокойно.

Санин остановился, схватился за голову руками и со стоном повалился.

Патмосов с глубоким состраданием смотрел на совсем недавно еще гордого и сильного человека, у которого теперь вздрагивали, как у ребенка, плечи.

— Арестуйте меня, — наконец глухо сказал Санин, — да! Я убил этого мерзавца, той палкой.

— Я не буду вас арестовывать, — ответил

Патмосов, — поезжайте завтра в Царское, явитесь к следователю сами с повинной.

Санин поднял голову и с удивлением взглянул на Патмосова.

Тот угадал его мысль.

— Если бы вы убежали, я нашел бы вашу корреспондентку...

При этих словах Санин опять вскочил как бешеный.

— Откуда вам это известно?

— Из этих писем, — Патмосов показал три письма.

— Ее письма! Но я их все взял! — наивно воскликнул Санин.

— Не все! Дергачев был хитрее и три письма держал у себя в бумажнике.

— О, мерзавец! — проговорил Санин. — Он бы снова нас мучил!

Он помолчал, потом встал, прошел по мастерской, вернулся и сказал:

— Я вам все расскажу! Все! Судите!..

Патмосов молча кивнул.

Санин начал свой рассказ, сперва волнуясь, потом спокойнее, и его прекрасное лицо оживилось воспоминаниями любви.

— Это началось четыре года тому назад. Да! Четыре года будет семнадцатого августа. Ее муж заказал мне с нее портрет, и я к ним приезжал для сеансов. Ее муж носит старинную аристократическую фамилию, богат несметно, красив, несмотря на свои шестьдесят четыре года, и благороден на редкость. Ей всего двадцать шесть лет, и он ее мужем является только номинально. Она — дочь его боевого товарища, осталась сиротою, и он не придумал лучшей формы опеки, как жениться на ней, и относится к ней как отец. Буквально. Она платит ему привязанностью и ухаживанием. И вдруг — я на дороге! Я со своей любовью!.. Да, так началась наша любовь.

Санин закурил папиросу, бросил ее, взял новую и заговорил снова:

— Должно было случиться то, что случилось. Она забеременела. Да! Это было наше счастье и наш ужас. Счастье — увенчать любовь свою живым плодом, ужас — открыться. Не для меня! Я всегда молил ее об этом, но для нее. Она была убеждена, что ее муж не пере-

несет этого открытия. Приводил ее в ужас и скандал, который мог разразиться в обществе. Она — женщина своего круга, своих понятий. Я понимал ее и разделял ее страхи. И тут нам выпала вдруг удача. Генерал уехал в Англию, оттуда в Америку на семь месяцев. Он звал с собою жену, но она уклонилась и назначила ему свидание в Париже... Это было удачей. Она уединилась и родила прекрасного мальчугана.

Лицо Санина озарилось широкой, светлой улыбкой.

— И началось наше новое счастье. Счастье отца и матери. Я его поместил в надежные руки, а потом решил, едва отнимут его от кормилицы, перевезти к себе. И все пошло прахом!

Он тяжело перевел дух и продолжал:

— Это случилось совсем недавно. Всего с месяц. Она приехала ко мне в безумном ужасе и показала письмо от какого-то негодяя. Негодяй писал, что знает про ее связь, знает, что у нее есть ребенок и где он и что он все это огласит, если она не заплатит ему пять тысяч рублей. За эту сумму он продавал ее

письма. Письма ко мне! Я бросился в спальню, где в ящике стола держал ее письма. Их не было! Да, только тогда я понял, как надо беречь тайны. Надо сжигать все! Записку, ленточку, всякий знак. Надо держать себя с любовницей, как с зачумленной. А я, болван, берег ее каждое письмо как святыню!

Он ударил себя по лбу и сжал кулаки.

— Очевидно, их украл мой слуга. И едва уехала Вера, как я набросился на слугу. Я его встряхивал, как мешок, швырял, как кошку, я готов был пытать его огнем и железом. Он ревел, ползал на коленях и во всем сознался. Через других слуг-негодяев он узнал, что один мерзавец платит хорошие деньги за господские письма. Мой каналья был не дурак. Несомненно, он знал нашу тайну и отправился к этому Дергачеву. Да! И продал меня за триста рублей.

Он помолчал, потом продолжал:

— Слугу я выгнал, а сам поехал к Дергачеву в Павловск и вызвал его на вокзал. Там я объяснился с ним. Я предложил ему две тысячи.

Он вскочил, сел, снова вскочил, и лицо его теперь горело злобою.

— Тут и начались пытки! Он торговался и после каждого свиданья слал ей письма с угрозами, а она ехала ко мне и писала ко мне умоляющие письма. Это был месяц сплошных мук. Я все же выторговал тысячу. Он согласился отдать мне письма за четыре тысячи.

Санин горько усмехнулся.

— Значит, за тысячу он припрятал три письма! Ловко! Да? — и он продолжал: — Двадцать шестого числа я собрал всякими способами три тысячи рублей и известил его, что двадцать седьмого куплю свои письма. Я бежал, искал, но нашел еще только сто рублей. И я поехал.

Патмосов кивнул.

— Мы условились встретиться в десять часов вечера. Я ждал его, он не шел. Одно это ожидание уже обозлило. Наконец он пришел...

Санин перевел дух.

— И тут началось! Я сказал, что остальные четыреста я отдам ему завтра. Он ответил, как хам: "Тогда и письма" и хотел уйти. Я удержал его и стал упрашивать. Мы начали спорить. Он дразнил меня: то вынимал пакет

из кармана пальто, то прятал его назад. И ничего бы не было, — сказал Санин, — если бы не пустяк.

Он тяжело перевел дух.

— Я взял его за пальто, за борт, а он вдруг заорал: "Вы хотите убить меня!" и толкнул. Во мне словно пружина лопнула. Все завертелось, закружилось, и, когда я очнулся, он лежал на земле. Я нагнулся. Кровь! Тогда я понял, что сделал. По моей палке текла кровь. Ко мне вдруг вернулось спокойствие. Я нагнулся к нему и выдернул у него из кармана пакет. Потом отошел, старательно вытер и вычистил палку и пошел на музыку. Повидал двух-трех человек и пешком вернулся в Царское, где живу у своего приятеля. Вот! — окончил он. — На другое утро я послал ей письма.

Он замолчал и опустился в кресло, закури-
вая пятнадцатую по счету папиросу.

Патмосов первый прервал молчание.

— Вы должны теперь открыться следователю, — сказал он, — сейчас у него трое в подозрении, и из них двое совсем невинны.

— Но как? Я тогда должен рассказать все? Открыть ее имя! Я не могу! — воскликнул Саннин.

— Слушайте. Я помогу вам. Идите к следователю, расскажите ему факт убийства, а причину придумайте, какую хотите. Он любил женщин, был развратник.

— А эти письма? — сказал Саннин. — По которым вы додумались?

Патмосов вынул их из кармана и решительно протянул Санину.

— Возьмите их и уничтожьте!

Саннин жадно схватил их и воскликнул:

— О, теперь я спокоен! Берите меня!

— Нет, нет, вы сами!

— Согласен.

Патмосов сказал адрес и поднялся с кресла. Волнение душило его. Спокойствие Саннина было трогательнее его недавнего отчаяния.

— Я иду! Вам надо приготовиться.

— Я теперь Голиаф! — засмеялся Санин. — В одиннадцать у него в камере!

Патмосов выбежал из мастерской.

Он вернулся домой и тотчас позвал к себе хозяйку, продиктовал ей друг за другом два любовных письма и записку с назначением свидания, подписав их все буквою "В".

— Все!

Молодая женщина встала.

— А теперь вы эти записки покажете мужу, — смеясь, сказала она.

— Да, да! Вы рискуете, — в тон ей ответил Патмосов и потом серьезно сказал: — Вы спасаете честь женщины, как люди понимают ее, и спокойствие семьи.

XXIII

На другой день Патмосов ехал в Царское Село к Ястребову, который успел послать ему четыре телеграммы.

— Что же вы, дорогой мой, так запропали? Я истомился, ожидая вас.

— Занят был, все этим же делом, — ответил Патмосов и, вынув из бумажника три письма, положил их на стол. — Вот письма, которые я брал. Они ни к чему.

— Я же говорил, — сказал Ястребов, — у него любовниц тысяча! Уберите, Севастьян Лукич.

Он кинул письмоводителю письма и снова спросил Патмосова:

— Ну, что же вы сделали за это время?

— Нашел убийцу, — ответил с улыбкой Патмосов.

Ястребов даже привскочил, и глаза его за-сверкали.

— Я говорил! Ну, рассказывайте, какие улики? Который из трех?

— Четвертый, — ответил Патмосов. Ястребов упал в кресло и захлопал глазами.

— Вы шутите?

— Нет, серьезно! Где же он?

— Он... — Патмосов поглядел на часы. На них было без двух минут одиннадцать. — Он сейчас будет здесь, у вас.

— Господина следователя можно видеть? — раздался звучный голос.

— Пожалуйста! — крикнул Патмосов, вставая. — Пришел! — сказал он тихо Ястребову.

Тот поднялся с кресла.

— Вот и я! — и на пороге камеры показалась мощная фигура Санина.

Патмосов горячо пожал ему руку и поспешил выйти.

XXIV

Слух о том, что Санин, этот милейший человек, даровитый художник, оказался убийцей, произвел в Петербурге сенсацию.

Зал суда был битком набит дамами высшего света.

Санин держал себя на суде с благородною простотою.

Он объяснил, как убил Дергачева, и рассказал о мотивах этого убийства.

Дело вышло из-за женщины, которую называть Санин не хотел.

Присяжные признали его виновным в убийстве в запальчивости и заслуживающим снисхождения.

Суд приговорил его к четырем годам каторжных работ.

Лукерья и Резцов судились за кражу и были осуждены: она — на два месяца, а он, как рецидивист, на поселение.

Трехин получил наследство и закутил так, что через месяц очутился в больнице.

Марья Васильевна стала выезжать и в скором времени обзавелась новым покровите-

лем.

Что касается молодого Савельева, то пережитые им позор и страх совершенно образумили его. Он разорвал свои прежние знакомства, поступил к отцу на фабрику, где принялся основательно изучать дело.

Векселя исчезли, и надо предполагать, что они вместе с письмами попали к Вере Андреевне и сгорели в камине.

Остается сказать про Веру Андреевну.

Через два года после осуждения Санина она овдовела и со своим сыном Сережей поехала в Сибирь — к тому, кто так дорого заплатил за ее спокойствие. Когда Санин отбыл срок каторги, они поженились и поселились в Иркутске, где Санин опять стал зарабатывать сумасшедшие деньги.